

Пэй Цун, не подозревая о внутреннем хаосе Чезаре, лишь слегка приподнял уголки губ, и на его лице появилась та холодная, завлекающая усмешка.

— Хочешь отомстить? — его голос звучал мягко, почти заботливо. — Тем людям, что втоптывали тебя в грязь, использовали, как инструмент... Или ты готов с этим смириться?

— Отомстить? — В глазах Чезаре, для которого главным врагом сейчас был сам Инфу, промелькнуло откровенное презрение.

Хоть доводы Пэй Цуна и были ошибочными, он продолжал уговаривать его с непоколебимым спокойствием:

— Ты можешь ненавидеть меня, можешь не доверять. Но разве ты не хочешь мести? Тем, кто унижал тебя, использовал тебя... Разве их кровь не должна пролиться от твоих рук?

Те десять лет, когда он был слабым, мрачным, униженным, полным негодования... Как в калейдоскопе, эти образы проносились в голове Пэй Цуна.

Кто-то топтал его голову, вжимая лицо в жидкую грязь, и называл его «чудовищем, которое и крысе не чета».

И в то же время он сам шаг за шагом охотился на всё более крупные цели, выбирался с планеты Мусора, выходил в открытый космос. Без принципов, без страха, переступая через каждый закон Федерации, поднимался вверх по лестнице, мощённой костями.

Хоть в прошлой жизни он и забрался на вершину, но путь был слишком тернистым, риски — велики, цена — слишком тяжёлой. Повторять это во второй раз не имело смысла.

Раз уж он здесь, и жить всё равно надо, то грех не воспользоваться опытом прошлой жизни, чтобы раздавить этих людишек и утвердить своё имя.

Столько ловушек, столько дорог... Пока он рядом с Чезаре, тому не придётся идти по ним. Единственное, чего тому не хватает — это шлифовки. Только тогда Чезаре станет тем самым смертоносным лезвием, что отомстит за них обоих.

Пэй Цуну эта мысль доставляла всё большее удовольствие.

Чезаре последующий за ним от презренного «отброса» до вершин космоса, шаг за шагом поднимающийся по кровавой лестнице, выложенной головами тех, кто когда-то унижал их...

Взбираясь по проложенному им кровавому пути до самой вершины.

— ...Нет необходимости.

— Я знаю, что в будущем ты станешь сильным. Но сейчас ты можешь использовать меня, как пожелаешь, — Пэй Цун продолжал уговаривать. Его голос звучал завораживающе, и он сам был больше похож на опасную змею, чем Чезаре.

Он хотел использовать его, чтобы тот нёс на себе бремя его кровной мести, расчищал ему путь.

Чезаре тоже хотел использовать его, как короткий путь к силе.

И, как назло, на всей планете Мусора не было человека, чья цена использования была бы выше, чем у него. И не было человека, который понимал бы Чезаре лучше, чем он сам.

— Я научу тебя всему. Всему, что знаю сам. Силе, которую ты жаждешь, методы мести, разведанные о Федерации.

— Поверь, использовать меня – самый лучший вариант.

Пэй Цун мысленно поставил себя на его место. Если бы всего лишь его жизнь стала платой за то, чтобы заставить тех, кто когда-то топтал его в грязи, заплатить по счетам, чтобы с ним перестали обращаться, как с чудовищем...

Пятнадцатилетний он согласился бы без колебаний.

Даже перед самой смертью в прошлой жизни Пэй Цун не отказался бы.

Но тому было это ненавистно.

«Почему из всех людей именно он?»

«Чудовище» готово отдать всё: мораль, человечность, душу. Лишь бы выжить. Лишь бы стать сильнее.

Слова Пэй Цуна просачивались в сознание Чезаре, медленно поглощаясь кипящей в юноше ненавистью.

Чезаре изо всех сил сжимал ладонь, в этой ситуации тоже пытаюсь скрыть, не дать противнику разглядеть своё тяжёлое генетическое загрязнение.

— Чему ты можешь меня научить?

Это был не вопрос-вызов тому, кто его соблазнял.

Это был вопрос Чезаре самому себе.

Сможет ли он научиться? С его грузом загрязнённых генов.

Будучи генетическим отбросом, отвергнутым всеми, сможет ли он действительно обрести силу, выжить и... отомстить за себя?

— Я могу научить тебя куда большему, чем ты думаешь, — Пэй Цун посмотрел на змеиный хвост Чезаре. — Например, как сделать игру «притворись раненым» более правдоподобной.

— У змей после ранения скорость окостенения генов в три раза выше, чем у человека.

— Но даже так, процесс начинается минимум через три часа после травмы.

— А твоя рана до сих пор сочится кровью.

В прошлой жизни Пэй Цун часто получал смертельные ранения, поэтому такие мелкие трюки распознавал с первого взгляда.

Чезаре и правда был в фазе истощения, но серьёзно ранен не был. Он притворялся, выжидая момента для смертельного удара.

— Используй. Тебе пойдёт на пользу.

Чезаре наконец взял в руки пробирку.

Это было просроченное военное лекарство с чёрного рынка, обычно использовавшееся для стабилизации генетического шторма. Пэй Цун с самого начала понял, что состояние генов у Чезаре нестабильно.

Голос Пэй Цуна стал тихим и холодным:

— Я собрал столько змеиных генов... Поверь, я помогу тебе обрести силу, которой будет достаточно, чтобы подняться на самый верх, силу, что сделает тебя почти генетическим чудом.

— Настоящую силу. Принадлежащую только тебе.

Дыхание Чезаре стало тяжёлым, будто он боролся с последним оплотом разума.

Впервые он назвал Инфу по имени.

— ...Пэй Цун, что я должен делать?

— Защищать меня, — эти слова Пэй Цун произнёс с такой естественностью, что это звучало нелепо.

Чезаре криво усмехнулся, словно стыдясь того, что на секунду поверил этим словам.

Звучало это действительно как отговорка: сначала вырастить добычу, а потом в один день забить. Зачем такому Инфу такой «генетический отброс», как он, для защиты?

— Сейчас, конечно, не сможешь, — Пэй Цун врал без тени смущения, ловко вертя в пальцах костяной клинок. — Мои секреты в последнее время стали немного приоткрываться, и враги так и норовят найти меня. Мне действительно нужен умный, послушный и осмотрительный защитник.

Чезаре поднял глаза. Его взгляд был холодным, но в нём таилось смутное любопытство.

— Какие секреты ты раскрыл?

Пэй Цун был доволен его реакцией.

— Мои секреты... многие хотели бы о них узнать. Но ты ещё не дорос.

Просто потому, что эту часть он ещё не придумал.

Но полуправды, угроз и соблазнов было достаточно, чтобы растрогать пятнадцатилетнего Чезаре.

Пэй Цун говорил медленно, с нарастающим давлением, приближаясь всё ближе и ближе, пока Чезаре почти не почувствовал тепло его дыхания.

— Ты просто ещё не осознал своих истинных желаний. Как, например, когда ты говоришь, что хочешь убить меня, но на самом деле думаешь о том, что я могу тебе дать.

Чезаре помрачнел.

— Ты умен, но тебе не хватает системной подготовки. И главное... твоё лицо мне тоже

нравится.

Это лицо принесло Пэй Цуну бесчисленные унижения и страдания. Он долгое время ненавидел и страдал из-за него, пока наконец не смирился.

Но сейчас, глядя со стороны, Пэй Цун считал, что у него и правда очень красивое лицо, и Чезаре не стоило из-за него комплексовать.

Тот, задетый за живое, отвёл взгляд.

— Значит, ты хочешь, чтобы я был твоим... кем? — сквозь зубы выдавил Чезаре, заставляя себя выползти из змеиной норы. — Инструментом? Питомцем? Или твоим донором крови?

Пэй Цун усмехнулся:

— Всё сгодится.

— Я убью тебя, — медленно выдохнул Чезаре, его взгляд был холоден, как лезвие. — Если ты обманешь меня, я обязательно убью тебя.

— Конечно, если тебе что-то не понравится, ты всегда можешь выждать момент и убить меня, — Пэй Цун внезапно приблизился, и в его глазах читалась ничем не прикрытая насмешка. — Если, конечно, сможешь.

Услышав последние слова, Чезаре замер, его взгляд потемнел, и он долго, не отрываясь, смотрел на него, прежде чем кивнуть.

Кожаные перепонки бесшумно расправились, и тень на земле вытянулась, длинная и тёмная, словно паутина, накрепко опутав Чезаре.

Пэй Цун ухмыльнулся и вдруг сказал:

— Раз уж должен защищать меня, дай укусить.

Его зубы чесались с самого пробуждения. Какая же на вкус его собственная кровь?

Пэй Цун взвесил все «за» и «против» и решил, что тот, скорее всего, позволит ему это сделать.

Чезаре даже не успел разглядеть, как поднялась рука Инфу, как на его шее возникло ледяное прикосновение.

Боль не пришла. Вместо неё возникло странное чувство удовольствия, будто яд медленно просачивался в тело, сознание затуманивалось, а физические ощущения, наоборот, обострялись до предела.

— Ты... — Чезаре широко раскрыл глаза, грудь бурно вздымалась, разум готов был пошатнуться от этого наслаждения.

Пэй Цун не отпускал его, а, наоборот, притянул ещё ближе, словно желая поглотить целиком.

Ощущение от выпитой крови было приятным, это странное покалывание распространялось по сосудам до кончиков пальцев, будто даже кости были раздроблены и заново собраны.

Весь процесс занял считанные секунды, прежде чем губы Пэй Цуна оторвались от бледной

кожи. Кончиком языка он лениво провёл по уголку рта.

— Готово, — он разжал руку.

Пэй Цун смотрел на него сверху вниз, и в его глазах таилась некая леденящая душу эмоция.

Чезаре тяжело дышал, его взгляд был полон настороженности и шока. Он не сводил глаз с Пэй Цуна.

«Первый раз так близко подпускает к себе кого-то... Наверное, действительно непривычно», — подумал Пэй Цун.

— Отведи меня к себе.

Чезаре: ...?

Пэй Цун без тени смущения сказал:

— Моё пристанище разнесли враги.

На самом деле он просто не помнил, где оно было.

— ...А припасы?

— Тц. Завтра сходим, кого-нибудь ограбим.

Чезаре почувствовал, что от этого человека слегка разит нахлебником, но, подавленный физическим превосходством, проглотил свои слова.

Он пошёл впереди, указывая дорогу и зная, что пока он в безопасности, и не сводил с Пэй Цуна глаз, держась на почтительной дистанции в два метра, чтобы избежать повторного укуса.

Как только Чезаре на секунду перестал пристально смотреть на него, Пэй Цун тут же отвернулся, и его лицо исказила гримаса.

«Боже, какая горькая кровь!»

Пацан только что пробудил змеиные гены, и в его крови плавало бог знает сколько свежего яда. На вкус - сплошная горечь, предвещающая скорую кончину.

«Пятнадцатилетний я и правда был несчастным ребёнком.»

Но, глядя на то, как Чезаре до крови сжимает ладони, пытаюсь скрыть и утаить секрет своего тяжёлого генетического загрязнения, Пэй Цун, чтобы не задеть хрупкое самолюбие юноши, сохранил серьёзное выражение лица.

«Пока лучше не говорить ему, что я уже всё знаю. Доверие ещё не завоевано, как бы не спугнуть.»

Пэй Цун с трудом проглотил горьковатый привкус во рту, обдумывая, кого бы им завтра ограбить.

Две фигуры растянулись в лучах заходящего солнца на фоне руин, разрушенных радиационным штормом. Их тени переплелись, слились и наконец скрылись в наступающей ночи.

С самого начала Чезаре относился к Пэй Цуну с подозрением. Тот явно что-то замышлял, просто он пока не понимал, что именно.

Условия, предложенные Пэй Цуном, хоть и были заманчивыми, но не поколебали его до конца.

Если бы тот узнал, что он не только не слаб, как ему кажется, а уже залил руки кровью и скрывает в себе ужасающее генетическое загрязнение... Стал бы он тогда так соблазнять его?

Не вырвало бы его от отвращения?

Стал бы он тогда позволять Чезаре использовать себя?

Скорее всего, просто убил бы на месте.

Пока он услышал, как Пэй Цун сказал: «...ты всегда можешь выждать момент и убить меня».

Даже уже приготовившись к отчаянной схватке, после этих слов сердце Чезаре неудержимо забилося сильнее.

Он вынужден был признать, что именно в этот момент его наконец по-настоящему, постыдно соблазнили.

Стань сильнее, и ты сможешь делать с ним всё, что захочешь.

Думая, что на этом всё, Чезаре не ожидал, что Пэй Цун выдвинет требование, от которого он почувствовал себя еще более униженным.

Пэй Цун захотел выпить его крови.

Он подумал, что ослышался, но тот двинулся так быстро, что не дал времени на реакцию. Скорость его была куда выше предполагаемого Чезаре предела.

«Оказывается, Пэй Цун мог с лёгкостью убить меня.»

«Проще, чем раздавить муравья.»

«Загрязнение одним геном и вправду настолько ужасающе.»

Сердце Чезаре упало. Первой мыслью было, что Пэй Цун сейчас его убьёт, и тело рефлекторно приготовилось дать отпор. Но в следующее мгновение его движения были полностью и безоговорочно подавлены.

Он оказался беспомощен, как младенец.

Когда Пэй Цун пил его кровь, мысли Чезаре метались в хаосе.

Он знал, насколько серьёзно его генетическое загрязнение. Даже безымянные отбросы с планеты Мусора гнушались прикасаться к нему.

А Пэй Цун? Этот вознёсшийся на вершину «представитель одного гена», этот Инфу, которого все боятся и ненавидят... он пил его кровь. Глотал эту мусорную, грязную, горячую кровь.

Пэй Цун должен был чувствовать отвращение. Должен был в следующую же секунду оттолкнуть его, с презрением и насмешкой, а затем вышвырнуть, как мусор, в грязь, чтобы тот никогда больше не поднялся.

Но Пэй Цун не сделал этого.

Он даже не моргнул, его лицо оставалось до жути спокойным.

У Чезаре вдруг возникло странное ощущение, будто его кровь – некий сладкий яд, а Пэй Цун наслаждался этим смертельным удовольствием.

Его мысли бушевали. Смутно ему вспомнились слухи о бесчисленных любовниках Инфу...

Говорили, Инфу мастерски использовал долгую, скрытую, глубокую психологическую тактику, постепенно загоняя цель в отчаяние и чувство краха. После долгих ментальных пыток и эмоционального контроля жертва начинала считать, что не может вырваться, и добровольно отдавала свою судьбу ему в руки.

А когда добыча начинала верить, что лишь полное подчинение гарантирует жизнь, Инфу извлекал интересующие его гены и безжалостно выбрасывал человека.

Как бы та ни умоляла, он не менял решения, даже мог убить. И жертва с улыбкой и любовью на лице подставляла шею, чтобы умереть.

И теперь он становился одним из них.

«Нет. Не стану. Я не такой.»

Уцелевшие остатки разума Чезаре были словно щепка в бушующем море. Он изо всех сил вцепился зубами в собственный язык, и горький ядовитый привкус крови во рту едва позволил ему сохранить ясность.

Сила Пэй Цуна заставляла его кровь кипеть.

Сейчас главное – скрыть секрет своих генов, вместе с грузом убийств на душе.

Пока Пэй Цун видит в нём выгоду и оставляет в живых. Но если тот узнает, что его обманывает такой генетический мусор, как он... вот тогда наступит настоящий конец.

«Нужно быстрее стать сильнее.»

«Настолько сильным, чтобы подавить Пэй Цуна.»

«До того, как он раскроет мой секрет.»

<http://bllate.org/book/14659/1301777>